

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО *Л.П. Буева*, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН *И.В. Егорова*.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор *П.С. Гуревич*.

Гуревич П. В разгар Французской революции Пьер Робеспьер произнес речь, обращенную к тем, кто будет жить в совершенном, идеальном обществе: «О, потомки, сладкая и нежная надежда человечества, вы не посторонние для нас, это для вас мы храбро сокрушили тиранию; ваша надежда — вот цена нашей мучительной борьбы: будучи совершенно обескураженными окружающими нас обстоятельствами, мы чувствовали необходимость в вашем утешении; это вам мы вверили задачу завершения наших трудов и судьбу всех нерожденных поколений человечества!.. Поторопитесь же, о, потомки, приблизить наступление часа равенства, справедливости, счастья!»

Нам уже известно, чем обернулось это обращение к потомкам. Равенство, справедливость и счастье людей все еще остаются недостижимым идеалом. Борьба с деспотизмом привела к новым формам тирании. Мечта о равенстве утонула в гигантском социальном расслоении. Новая сословность стала общественной реальностью. Мыслители минувшего столетия стали думать о бесплодности загубленных жертв. Иные из них уверовали в то, что не человек делает историю, а история творит человека. Не человек надеется и верит в будущее, но будущее судит и решает, насколько состоятельна его вера.

Философия истории стремится дать развернутую картину мира, раскрыть закономерности исторического процесса, поставить социальную философию на научную почву. Однако на поверку оказывается, что в истории господствуют общественные иллюзии. Они все дальше уводят нерожденные поколения от часа равенства, справедливости и счастья.

Вот вопросы, которые хотелось бы обсудить:

- 1. Какова роль социальных иллюзий в истории?*
- 2. Возможно ли овладение тайнами общественной динамики, которые избавят людей от бесплодных усилий?*
- 3. Каковы социальные иллюзии наших дней?*

Какова роль социальных иллюзий в истории?

Буева Л. Прежде всего, мне кажется важным не просто инвентаризировать социальные иллюзии, а по крайней мере попытаться каким-то образом классифицировать их. При первом приближении мне представляется возможным провести различие между иллюзиями авторитарного и свободного мира. Социальные мифы нередко рисуют картины счастливого будущего, в котором все трудности и противоречия общественной истории получают разрешение. Другие мифы, напротив, одушевлены идеей слаженного, несвободного общества, внутри которого своеволие и счастье человека не имеют никакой значимой ценности. Предполагается такой идеал социума, в котором царит порядок и даже единомыслие.

Егорова И. Давно известно, что каждая новая общественная доктрина, претендующая на успешную реализацию своих установлений, объявляет иллюзией все предшествующие модели социального переустройства. Однако проходит время и

оказывается, что люди опять поверили в очередную химеру. Возьмем близкие нам примеры. Работа Эриха Фромма называлась «Избавление от иллюзий». Он критически анализировал слова Маркса о том, что отказ от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Речь, стало быть, шла о таком общественно-экономическом укладе, который настолько отлажен и прозрачен, что потребности в социальных грезах отсутствуют. И Маркс, и Фрейд, как считал Фромм, хотели освободить индивида от оков иллюзий, чтобы он мог действовать как свободный человек. Маркс представлял себе общество как сложную структуру с разнонаправленными, но все же доступными анализу силами. Он рассчитывал на то, что знание этих сил позволит понять прошлое и предвидеть (по крайней мере, в некоторой степени) будущее. Речь, разумеется, шла не о предвосхищении конкретных событий, которые обязательно произойдут. Скорее предполагался набор ограниченных альтернатив, между которыми человеку придется выбирать. Маркс был радикальным сторонником революционной теории. Он свято верил в то, что человек может таким путем прорвать оковы иллюзии.

Гуревич П. Сам Фромм старался уйти от репутации утописта. Он писал о том, что ни жизнь, ни история не имеют окончательного смысла, который придает смысл жизни индивида или оправдывает его страдание. Однако людям свойственно искать «абсолют», который дает ему иллюзию определенности и освобождает от конфликтов, сомнений и ответственности. Но никто не спасет человека и не вынесет ему приговор. Только сам человек, размышлял Фромм, способен найти цель в жизни и средства для реализации этой цели. Он не может обрести окончательное спасение, но может стремиться к такой степени интенсивности, глубины и ясности опыта, который даст ему силу, чтобы обрести силу жить без иллюзий и быть свободным. Через несколько десятилетий после смерти Фромма эта гуманистическая перспектива, несмотря на всю ее пленительность, тоже оказалась иллюзией.

Буева Л. Бесспорно, колоссальный размах дегуманизации мира, разочарование в самом человеке как носителе разумности и морали свидетельствуют о том, что утопия Фромма нереализуема. Люди не добиваются глубины и ясности собственного социального опыта. Напротив, в условиях потребительского общества широкие массы отказываются от ответственных и самостоятельных решений. Мир подвис на волоске. Политики и исследователи отказываются от уроков истории, усиленно манипулируют массами, побуждая их к верно-подданничеству, к послушанию, к преданности власти. В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит разрушение в своей основе. Подобно тому, как государство в качестве союзника человека может быть парализовано, так может быть парализован и дух, если он живет уже не истинной жизнью из собственных истоков, в конечной целесообразности, а жизнью в конечной целесообразности, фальсифицированной для службы мысли.

Егорова И. И все-таки, я полагаю, Фромм прав. Попробуем представить, что человечество у самых своих истоков избавилось бы от социальных иллюзий и проложило бы верную магистраль для истории. Кто же мог бы гарантировать ход истории? Предположим, люди приняли наличное социальное устройство как окончательное, Богом данное, и полагали бы, что такое умонастроение освобождает их от иллюзий. История непременно бы оказалась в тупике, а человечество под угрозой гибели. Думаю, что говорить только о вреде иллюзий непродуктивно. Не исключено, что человечество страдает не от социальных иллюзий, а от их малочисленности. В социальной философии исчезло понятие «социологическое воображение», о котором в свое время писал американский социолог Райт Миллс. Беда в том, что тема утопизма за последние десятилетия вообще исчезла из философского обихода. Зачем вообще заниматься утопиями в эпоху информационного диктата, новейших технологий и господства рациональности? Современный мир успешно вытеснил утопию со всеми ее атрибутами на

периферию. И это можно считать, судя по всему, опасной социальной иллюзией, в основе которой неоправданная вера в безоговорочную репутацию наличной социальной теории.

Гуревич П. Разумеется, никто не обладает окончательной социальной теорией. Упоение технократизмом завершилось. Мало кто верит сегодня в возможность идеального отлаживания общественных процессов на основе технической экспертизы. Однако эта экспертиза полностью вытеснила всякое разумное прожектёрство. Разумеется, критические расчеты с разными социальными иллюзиями — есть, судя по всему, процесс зрелости общественной мысли. Хорошо бы так. Но им вредят новые грезы, представленные в качестве эталона лишь потому, что они расправились с прежними иллюзиями. Отвергая утопии, социальные мыслители зачастую не успевают вылущить из них рациональное зерно. Поэтому один и тот же миф «идеального государства» снова и снова маячит на горизонте. Но где сегодня искать источник социальных конструкций? Предлагаю обратить внимание на своеобразную тенденцию социальной философии, которая советует для этой цели обратиться в поисках модели социального устройства к природному царству. Так, энтомологи с огромным энтузиазмом пишут о цивилизации термитов. Уклад белых муравьев сложился за сто миллионов лет до появления человека на нашей планете. Эта древнейшая из известных цивилизация, полагают некоторые социальные мыслители, самая интересная, самая сложная, самая разумная и, в определенном смысле, самая логичная и лучше всего приспособленная к трудностям коллективного существования. Она появилась задолго до человеческой цивилизации. Исследователи пишут, что, несмотря на жестокость, мрачность и даже омерзительность, такой жизненный уклад стоит выше цивилизации пчел, муравьев и самого человека.

Буева Л. Я знакома с некоторыми работами на эту тему. Авторы бросают колкие реплики прежним утопистам, которые ищут социальный идеал на границах, где угасает воображение. А в это время, мол, у нас под носом существуют цивилизации, хотя и фантастические, но весьма, по их мнению, продуктивные. Они даже заявляют, что люди могут столкнуться с таким социальным укладом где-нибудь на Марсе, Венере или Юпитере. Мысль исследователей сводится примерно к такому суждению: если природа не дала живому существу особых преимуществ в процессе выживания, то есть шанс восполнить свою незащищенность удачной формой социальной организации. У термитов, к примеру, нет жала, как у пчелы, нет отличной хитиновой брони муравья. Между прочим, он самый безжалостный враг термитов. У него нет крыльев, а если есть у некоторых особей, то очень слабые, позволяющие «долететь» лишь до гекатомбы. Термит неповоротлив, не может спастись бегством. Все жаждут его сочной плоти — птицы, рептилии, насекомые. В чем-то его ситуация сходна с человеческой. Ведь природа по отношению к человеку тоже проявила несправедливость, многим обделила его. Термиты, как и люди, обладают лишь одним преимуществом они имеют разум.

Егорова И. Надо полагать, это новость. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы все чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Карл Юнг в свое время отмечал, что туземцы считают американцев глупыми, поскольку те говорят, будто мыслят головой. На самом деле аборигены утверждали, что мысль рождается в сердце. В те годы это считалось этнографической подробностью, не более. Но, может быть, действительно пора вникнуть в суть этой проблемы.

Гуревич П. Исследователи подчеркивают, что нет ничего более поразительного и фантастического, чем архитектура жилищ, которые строят термиты. Причем она меняется в зависимости от территории, местных условий и даже имеющихся материалов. Маркс

считал, что любое животное может реализовать только ту программу, которая записана в инстинкте. Но гений термитов способен творить при любых обстоятельствах. Если сравнить сооружения этих особей с человеческим масштабом, то окажется, что таких гигантских зданий люди никогда не строили. Их агломерации издали кажутся огромным городом. Но вот что поразительно. Морис Метерлинк в свое время описал улей как пример идеальной социальной организации. В улье есть рабочие пчелы, расплод, трутни и матка. В термитнике же царит удивительный полиморфизм. В улье правит бал полный матриархат. В термитнике же «придуман» добровольное оскопление. Там есть две касты рабочих, солдаты.

Можно условно назвать такое общежитие коммунистическим, экологически чистым — как угодно.

Буева Л. Не знаю, правомерно ли это называть разумом. Можно, очевидно, подобрать другие слова — созидательная сила, гений вида или природы. Но я читала, будто эти термиты изобрели оружие, непобедимое для своих врагов. Мне в этих исследованиях интересна одна подробность. Человек сумел обрести силу с помощью внешних орудий. Термиты же выковали оружие в собственном теле, извлекли его из самих себя. С этой точки зрения вспоминаю концепцию американского социолога Льюиса Мамфорда, который считал, что люди упустили реальную возможность создать биологическую цивилизацию. Они предпочли камень, порох, пилу. На это у людей ушли долгие тысячелетия страха и горя.

Егорова И. Хорошо, термитники представляют собой сложную социальную организацию. Но в нашей теме нам интересно, кто же правит в термитнике. На самом деле, кто отдает приказы, предвидит грядущее, строит даль-нодействующие планы, восстанавливает утраченное равновесие, ведет разнохарактерную управленческую деятельность? Наконец, кому принадлежит право осудить на смерть других особей? Такие общественные функции вряд ли коренятся в инстинкте. Может быть, здесь можно фиксировать своеобразное преодоление инстинкта, простейшие формы разумности.

Гуревич П. Парадокс в том, что в термитнике власть принадлежит не царям и не воинам. Подлинными хозяевами этой формы социальной жизни оказывается «толпа». Мудрые особи и воины отстранены от управления. Для сравнения — в человеческой истории не было такой демократической республики. Термитник при такой организации может простоять целые столетия. В истории человечества демократия постоянно «перерождается» либо в тиранию, либо во власть хаоса. Об этом писали уже античные философы. Но Платон, как известно, полагал, что власть должна принадлежать мыслителям, а воины должны лишь охранять власть. Мы начали наше обсуждение с неожиданного ракурса — обратились к природному царству. Пожалуй, просто для «раскачки мысли». Социальные философы убеждены в том, что самые идеальные формы общественной организации созданы людьми, обладающими разумом. Но природа раскрывает перед нами самые невероятные способы социальной жизнедеятельности. Лишь за последние десятилетия исследователи обратились к этому невероятному арсеналу возможного коллективного бытия.

Буева Л. Об утопиях и антиутопиях написано много. В самом начале мы говорили о двух вариантах социального мифа. В одном случае на память приходит множество социальных проектов, направленных, как и у термитов, на сохранение социальной организации порой в ущерб интересам и страстям самих живых существ. Иные из них согласны даже на добровольное скопчество. Но можем ли мы назвать социальные иллюзии, которые предоставляют преимущественное право не социуму, а людям, индивидам, которые хотят свободы и собственного счастья? Иначе говоря, есть ли утопии, в которых царствует благополучие людей, а не социальных институтов?

Егорова И. Пожалуй, придется еще раз назвать имя Эриха Фромма. Именно ему принадлежит утопический манифест «радикального гуманизма».

Исходный пункт рассуждений Фромма: социально-экономическая реальность позднего капитализма в основе своей патогенна. Она постоянно порождает большое общество и большую личность. Чтобы исцелиться, нужно избавиться от утешительных иллюзий, завещанных современному западному человеку предшествующими поколениями. Если на заре индустриализма «земной град Прогресса», который покоился на трех китах: материальном изобилии, абсолютной свободе и ненормированном счастье, стал новой надеждой человечества, заменившей средневековый идеал «Града Божьего», то ныне всем очевидно, что индустриальная эра, как и постиндустриальная, не выполнила своего великого обетования.

Гуревич П. Эти идеалы реализовались, но в крайне урезанном и искаженном варианте. Экономическое процветание укоренилось только в богатых странах. Сложился мучительный контраст между благосостоянием разных народов. Люди Запада стали жить в условиях демократии, но она не обеспечивает им личной независимости. Народовластие реализуется сегодня в крайне причудливых, зачастую призрачных формах. Индивиды в наши дни оказались винтиками бюрократической машины. Масштабы манипулирования выявились как непредвиденные. Власть, бизнес, массовая коммуникация стали определять мысли и вкусы людей. Но даже в тех странах, которые добились изобилия, особую остроту обрел вопрос: почему неограниченное удовлетворение желаний не ведет ни к благополучию, ни к счастью, ни даже к максимальному удовлетворению. Подверглось неслыханной опасности психологическое здоровье так называемых благополучных стран. Рост шизофре-низации населения, психотизация людей обнаружили изнанку общественного изобилия. Не стала благом и избыточность во всем — в производстве и потреблении товаров, в рекламе, человеческих затратах, политических играх. Прогресс информационных технологий обострил множество экзистенциальных проблем — одиночества, тоски, смерти, смысла жизни.

Бужева Л. Полагаю, что мысли Фромма сохраняют свою злободневность, но в то же время идея построения «здорового общества, создаваемого по меркам человека, обнаружила в социальной практике множество глубоких противоречий. Идея неотъемлемых прав человека во многом спровоцировала массовое противостояние реальным общественным потребностям. Право стало во многом прислужницей власти. Подверглась деструкции этика труда. В связи с недавним пушкинским юбилеем исследователи комментировали строчку поэта: «не пропадет ваш скорбный труд». Они отмечали святость всякого труда, личного и общественного, подчеркивали значимость аксессуаров вольных каменщиков — молотка, лопаточки, чертежной доски. В минувшем столетии Карл Ясперс обратил внимание на всеобщую девальвацию труда. Эта деградация, показывал он, равнозначна утрате воли к деятельности. Но самобытие человека возможно лишь в напряжении труда. Однако современный человек мечтает о благосостоянии, которое дается не раскрытием самобытия, а случайной удачей, лотерейным шансом. Массы отстаивают свое право на изобилие, но не задумываются над тем, что дорога к манне небесной требует напряжения.

Егорова И. Проповедь аскетизма в потребительском обществе не находит приверженцев. Между тем Фромм опирается на библейские тексты, чтобы освободить людей от пут собственности и обладания. В его толковании пустыня, странствия по ней — один из ключевых библейских символов отказа от нефункциональной собственности, от недвижимого имущества. Он создает образ раскованной неприобретательской жизни. Опресноки, хлеб, замешанный на скорую руку, — знак опрощенного кочевого существования. Библейская скиния — своего рода походная палатка Бога. Фромм творит прообраз «мессианской эры», когда стяжание потеряет смысл и целью жизни становится развертывание сущностных сил человека. В Новом Завете, размышляет Фромм, ссылаясь на искушение Христа в пустыне, Нагорную проповедь и другие евангельские эпизоды, звучит еще более радикальный призыв к нестяжанию, к отказу от соблазна власти, направленному к предпосылкам подлинного бытия.

Гуревич П. В том же духе Фромм толкует идеи немецкого мистика Мейстера Экхарта о духовной нищете и отрешенности, отказе от желаний и «самоопустошения», вплоть до отказа от субъективно-страстной любви к Богу. В интерпретации Фромма Мейстер Экхарт учит свободе не от тех или иных предметов вожделения, а от самой установки на обладание. Вожделенным и, следовательно, сковывающим человека может стать все, что угодно, — от утвари до веры и добрых дел. Реально только бытие, дух, обитающий в нас и движущий нами. Дела же и помыслы, отделенные от нашей динамической сердцевины, лишены реальности. Так выглядит миф о возможном счастливом социуме.

Буева Л. Западный мир славит правовое общество. Но в юридической практике все еще царит бесправие. Абсолютизация права, несовместимого зачастую с ценностными ориентациями людей, сама по себе деструктивна. Она противоречит, как правило, обыденному житейскому сознанию. Легко повторять «вор должен сидеть в тюрьме», но на практике ворюга находит признание и почет. Право, которое не имеет опоры в нравственном сознании, не позволяет потеснить коррупцию. Настаивая на собственном праве, многие граждане отказываются защищать собственную страну, совершать подвиги во славу отчизны, уваливать от ответственности за свои деяния.

Егорова И. Фромм выступал в качестве глашатая свободы. Но он знал, что многие люди бегут от свободы, от которой они устали. Свобода вовсе не является вожделенной. Стало очевидным, что авторитарный диктат, тоталитаристские тенденции неожиданным образом проступают именно внутри демократии, которая на протяжении многих столетий рассматривалась как надежный оплот человеческой независимости и автономности. Сверхдержавы, пользуясь демократической риторикой, стали усиленно навязывать свою волю другим народам, устанавливая порядки, чуждые не только культурным традициям, но даже и интересам отдельных регионов. Повсеместно проявил себя феномен управляемой демократии, создавший иллюзии народного волеизъявления. Оправдались давние предостережения проницательных европейских мыслителей о тирании большинства, охлократической опасности, исторической ограниченности демократии как политического режима.

Гуревич П. Крайне любопытно, что и благонамеренные философы, и социальные критики, создавая проект «идеального государства», все равно приближаются к идеалу «Левиафана» Томаса Гоббса. Этот мыслитель считал, что мир представляет собой совокупность тел, которые подчинены законам механического движения. Почему и животные, и люди не живут поодиночке? Как известно, ему пришла в голову идея общественного договора. Сначала люди объединялись по крови, по условиям труда. Но в жизни обнаружилось множество мучительных препятствий для сохранения таких объединений, что их защитные возможности истощились. Гоббс считал, что монархический принцип построения государства самый наилучший. Однако в конце своей философской деятельности он пытался обосновать и оправдать и революционные действия как вполне законные.

Буева Л. Но со времен Гоббса образ Левиафана постоянно фигурирует на аукционе человеческой судьбы. Едва ли не каждый век предлагает своих Левиафанов. Арсенал реализации этой иллюзии избыточен: контроль над рождаемостью, социальная инженерия, психоаналитические процедуры, избирательная селекция, ядерное господство, диктат могущественной державы. Запуганные различными утопистами, рисующими картины неслыханного рабства, некоторые социальные философы предлагают ввести в социальный обиход игру как средство, позволяющее снять принудительность социальных правил. Играть в одиночку неинтересно и невыгодно. А вот для коллективного труда этот принцип идеален. Автору известного труда о «человеке играющем» Йохансу Хейзинге мнится, что именно средневековье было «золотым временем» игры. Люди играли во все: в шарлатанство и рыцарство, набожность и ученость, в разумность и глупость, в

деловитость и карнавальность. В наши дни, мол, игру загнали в подполье, которое извергает именно по этой причине мятежи и бунты.

Гуревич П. Итак, мы видим, что социальная иллюзия сопровождает всю историю человеческого общества. Это не удивительно, поскольку общественная практика людей направляется не инстинктом, закрепленной биологической программой. Человечество осваивает разные формы социальности методом проб и ошибок. При этом в размышлениях о счастье людей постоянно увязает в грозных утопиях и насильственных режимах. Не зря английский философ Карл Поппер отметил, что путь к идеалу лежит через колючую проволоку. Между тем мы видим, что одна социальная иллюзия другой социальной иллюзии рознь. Есть грезы, которые вызывают общественное воодушевление, духовные порывы, гуманистические надежды. Но есть и такие социальные помышления, которые обладают огромной деструктивной силой, сулят рабство и гибель. Вероятно, позитивная функция социальных иллюзий в том и состоит, чтобы предостеречь людей от повторных исторических кошмаров и ошибок.

Возможно ли овладение тайнами общественной динамики?

Буева Л. Полагаю, что полностью овладеть тайнами общественной динамики невозможно. Формы социальной жизни людей постоянно преобразуются. Познание открывает новые горизонты существования человека. На предыдущем «круглом столе», посвященном урокам истории, мы говорили об историцизме. Попытка подчинить историю универсальным законам, будто бы открытым учеными, получила в социальной философии резкую критику.

Во многом спонтанная жизнь людей не улавливается жесткими законами мышления. Любопытно, что немецкий социолог Карл Манхейм в своем капитальном исследовании «Идеология и утопия» ставит вопрос лишь об обогащении социологии познания, о более адекватном процессе самого размышления об общественной динамике. О том, чтобы преодолеть утопизм, найти более эффективные источники обновленного историцизма, нет и речи в этом труде.

Егорова И. Все же, Людмила Пантелеевна, в этой работе Манхейм пытается показать, как изменились формы утопического сознания в нашу эпоху. Он, в частности, указывает, что угнетенные слои населения начинают играть значительную роль в динамическом становлении всего исторического процесса. Не идеи, считал Манхейм, заставляют людей совершать революционные действия. Он обратил внимание на феномен экстатически-оргастической энергии, которая приводит к социальным взрывам. Хилиазм, то есть мечта о счастливом будущем, в современную эпоху, как это ни парадоксально, вообще не сливается с какой-либо конкретной идеологией. Она лишена статуса строгой социальной теории. Для абсолютного переживания хилиаста настоящее, та жизнь, в которую он погружен, оказывается брешью, через которую внутреннее чувство, присущее массам, прорывается во внешний мир и внезапно одним ударом преобразует наличную реальность.

Гуревич П. Эта экспертиза Манхейма весьма поучительна. По первому впечатлению, все современные взрывы вызваны осознанием непреложности интересов того или иного народа. Люди хотят более комфортной, потребительски обеспеченной жизни. Но они склонны не учитывать реального положения вещей, иллюзорности, необеспеченности своих притязаний. В этом случае народы начинают испытывать особый экстаз, некую взвинченность душевных состояний. Хилиасту нужна некая точка, откуда он готов в любую минуту совершить прыжок. Так рождается неприкрытая ярость масс и их недохотворенное буйство. Бунт, революция, танцы на майдане оказываются не столько средством для достижения поставленной цели, например, добиться мечты властей Украины о включении этой страны в европейский мир. Всякое буйство оценивается как

давно грезившийся прорыв в мир. Оно сознательно отрывается от пространства и времени, от реальных, оправданных ориентиров. Так Манхейм оценивает хилиастический вариант социальных иллюзий.

Буева Л. Однако есть еще и либерально-гуманистический вариант социальных иллюзий. «Дурной» реальности она противопоставляет «правильный» рациональный образ. Хилиаст разрывает связи с повседневным и историческим бытием. Стихия либерала — не деструкция, а критика. Он не склонен сжигать за собою мосты. Он хочет улучшить мир. Возьмем в качестве примера «Город Солнца» Кампанеллы. О чем это произведение? О том, как гармонизировать частные и общественные интересы в обществе. Главная проблема, которая интересует Кампанеллу, — это соотношение частных и общих интересов в обществе. Другими словами, что важнее — благополучие и спокойствие каждого члена общества в отдельности или все-таки приоритетным оказывается благоденствие всего общества в целом? Государство известного утописта Томаса Кампанеллы образовано не по принципу правления одних над другими, а согласно человеческому разуму, который исключает принуждение и насилие, поэтому в нем не бывает внутренних смут и раздоров. Самое главное то, что в этом государстве его жителям нечего делить между собой, потому что в нем отсутствует частная собственность. Как считал Кампанелла, себялюбие — есть корень всех главных человеческих зол, а этот порок чаще всего проявляется в накоплении собственности. Исключив частную собственность, мы победим эгоизм, утверждал итальянский мечтатель.

Егорова И. О том, какими неожиданными гримасами оборачивается «правильный» рациональный образ мысли, свидетельствует роман Оруэлла «1984». Писатель считал фундаментом нашей эпохи два открытия: производство оружия массового уничтожения и создание науки об управлении сознанием. Феномен «сверхтоталитаризма», явленный в этом романе, страшен и одновременно обладает поразительной притягательностью. Жизнь в этом обществе не сводится к техническим характеристикам. Она имеет претензию на особую духовность. В основе этой идеологии лежит убеждение в неискоренимой порочности человеческой природы. Человек жесток по определению, его одолевают пароксизмы гнева, злобы, зависти. И эти страсти представляют реальную угрозу для общества. Поэтому нужна властная рука, неиссякаемая мощь диктатора и насилия. Смысл иллюзии — абсолютный отказ от идеологии братства, равенства и свободы. Ангсоц, описанный в романе, не имеет прецедента. Его нельзя отождествить ни с автократиями древности, ни с тираниями средневековья, ни с тоталитарными режимами минувшего века. Это сверхтоталитарная система. Она не только не прикрывает деспотизм идеологией братства, равенства и свободы, но и утверждает этот деспотизм в открытом и откровенном терроре. В то же время она отменяет самые утопические принципы. Смысл данной утопии в ликвидации всякой утопии.

Гуревич П. Добавлю, что в этом романе раскрыт обманчивый принцип всякой деидеологизации. До того, как эта концепция была сформулирована видными западными социологами, Оруэлл показал, что всякое свободное движение к мысли есть преступление. Вместо идеологии в романе фигурирует инстинктология. От члена партии требуется немного — правильные инстинкты. Действия, наказуемые пытками и смертью, не запрещены законами — в Океании нет законов. Есть лишь физиологические запреты. Такими действиями могут быть взгляд, улыбка, вдох, вскрик или шепот во сне. Увиденные через теле-скрин или с гелиокоптера, они фиксируются Полицией мысли. «Правомыслящий» автоматически в любой ситуации делает правильное движение. Оно подсказывается ему с детства воспитанными инстинктами. Инстинктология — это финал идеологии, торжество деидеологизации.

Буева Л. Едва ли не вся современная политическая практика основана на двойных стандартах. Эту механику хорошо вскрывает новояз Океании. В Министерстве Истины по мере конъюнктурных изменений в реальности вчерашний день полностью подгоняется под злобу сегодняшнего: цифры, факты, имена, лозунги, события — все. Переписываются

газеты, журналы, книги. Это важнейшее условие выживания сверхтоталитаризма. Оно, во-первых, обеспечивает «единство» и, следовательно, непогрешимость вождей, во-вторых, лишает возможности сравнивать настоящее с прошлым тех, кто на первой стадии не отучился от логических операций аналогии и сравнения, тех, чей «автостоп» дает сбой. Благодаря переписыванию наличная действительность всегда воспринимается как правильная и лучшая.

Егорова И. «Двоемыслие» — это и есть политика двойных стандартов. Сегодня не составит труда объявить бандита патриотом, а патриота — террористом. Цель двоемыслия — перепутать все разумные критерии и полностью подчинить ситуацию своекорыстным интересам. Двоемыслие лежит в самом сердце Англо-американского союза, поскольку главная задача партии — использовать уловку сознания, в то же время сохраняя твердость цели и полную честность. Двоемыслие позволяет остановить ход истории. Ведь прошлые олигархии пали — либо потому, что они были слишком тупы и невежественны, чтобы увидеть свои ошибки и приспособиться к изменениям, либо потому, что были слишком либеральны и терпимы и признавали открыто свои ошибки. Иначе говоря, они пали равно как от своей сознательности, так и от своей несознательности. Политики знают, что война ведется условно и победа в ней невозможна, сильнее всего жаждут военных побед. Это сочетание цинизма и фанатизма создает привычку к лицемерию и там, где в двоемыслии нет никакой необходимости. Иррациональное бесстыдство перевертыша запечатлено в названиях исполнительных органов власти в Океании: Министерство Мира, организующее войну; Министерство Истины, фальсифицирующее информацию; Министерство Любви, ведающее репрессиями, пытками и казнями, и Министерство Изобилия, производящее искусственный голод.

Гуревич П. Одно из неоспоримых свойств социальной иллюзии — способность замещать реальность. Общественная греза прежде считалась отвлечением от действительности. Сегодня она сама претендует на подлинность. Вот, допустим, установка, взятая из романа Оруэлла: «Невежество — это сила». Казалось бы, она противоречит историческому опыту, классическим философским трудам. Вот очевидный парадокс — разрушить образование и науку под лозунгом их укрепления и процветания. Двоемыслие, вообще говоря, — верный путь к безмыслию. Но мы в наши дни убежденно называем «менеджерами новой формации» чиновников, которые вообще не способны руководить. Они умеют только обеспечивать распил денег. Разве это не обозначение новояза? Эффективный менеджер — то есть хапуга и обманщик.

Буева Л. Применительно же к человеческой реальности можно поставить вопрос, который постоянно обсуждается социальными философами. Что важнее для людей — сам социум или интересы отдельного человека? Давно уже укрепилась мысль, что общество обладает универсальной ценностью, более значимой, чем человек. Если исчезнет социум, погибнет сам человек. Опасно, следовательно, исходить из приоритета или интересов индивида. Это, как показывает исторический опыт, приводит к хаосу, власти толпы, охлократии. Следовательно, важно продумать такой идеал социального устройства, при котором соблюдались бы интересы людей, а заодно и их страсти, но существовал бы разумный порядок. «Божественный» Платон, к примеру, более всего остерегался политических смут, духовных волнений. Он мечтал о стабильном и справедливом общественном строе.

Егорова И. Хотела бы сразу отметить, что большая часть социальных иллюзий, накопленных человечеством, касалась идеального социального устройства. Сторонники другой, условно говоря, гуманистической парадигмы критиковали тиранические социумы, сатирически изобличали их порядки. Однако о том, как реализовать человеческий потенциал, фантазий было гораздо меньше. Пожалуй, только в прошлом столетии в работах Николая Бердяева была четко обозначена мысль о том, что личность важнее социума, что именно личности, зачастую неприметным, окольным путем, своей креативной мощью, выстраивают историю.

Гуревич П. Абсолютно нетривиальна у Бердяева и трактовка личности. В отечественной философии принято называть личностью человека, который имеет целый ряд неоспоримых качеств — предельная социализированность, нравственная высота, духовность, свобода. Но как, к примеру, совместить внутреннюю свободу с безусловной социализированностью? Нет ли в этом тезисе скрытого желания видеть в человеке законопослушного субъекта, конформного во всех измерениях? Мыслимо ли соотносить духовный опыт личности лишь с конкретной социальной организацией? Всегда ли свобода обеспечивает нравственную высоту? Но в том-то и дело, что трактовка личности у Бердяева не связана ни с натурализмом, ни с социальностью. Личность же означает независимость от природы и общества, которые дают лишь материю для активной формы жизни. Личность, согласно Н.А. Бердяеву, нельзя отождествлять с душой, это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная. Свобода как ценность не задана каждому человеку. Напротив, многие люди боятся свободы и добровольно обрекают себя на духовное рабство. Человек как будто бы разочаровался в духовной свободе и готов отказаться от нее во имя силы, которая устроит его жизнь, внутренне и внешне. Человек устал от самого себя, изверился в себе и хочет опереться на сверхчеловеческое, хотя бы это сверхчеловеческое было социальным коллективом. Это было сказано еще в 1931 г., на целое десятилетие раньше, нежели появилась работа Э. Фромма «Бегство от свободы».

Буева Л. Фромм в своих работах не ссылается на Н.А. Бердяева. Но он, словно вслед за русским философом, повторяет: «Люди устали от свободы». Да, многое, по мнению немецко-американского автора, побуждает людей к добровольному отказу от свободы и от самого себя. Но Фромм, к сожалению, толкует свободу в сугубо психологическом аспекте, не выявляя ее онтологический смысл, как это сделано в работах Н.А. Бердяева. Э. Фромм выстраивает идеал «здорового общества», в котором личность получит огромные ресурсы для своего развития. Но возможно ли такое идеальное общество, скроенное по меркам разумности? В постмодернизме такого рода идеи расцениваются как «террор социальности».

Егорова И. Мысль о том, что личность может обрести себя через общество, через социальность, глубоко чужда Н.А. Бердяеву. Он вообще не рассматривает личность как часть общества. Напротив, именно общество можно считать гранью личности, ее социальной стороной. Многие полагают, что личность обогащена общественными связями, предельно социализирована, здраво и ответственно приветствует окружающую действительность. А как же иначе? Тот, кто не может приспособиться к наличной среде, скорее всего, нон-кон-формист, психопат. Личность не может себе этого позволить. Она социализирована и этим отделена от преступников, бомжей и маргиналов. А если общество предлагает шизореальность? Если социальная жизнь перегружена абсурдом? Если всеобщее согласие постыдно? Не всякая социальность, судя по всему, заслуживает поддержки личности.

Гуревич П. Связь между обществом и личностью чаще всего бывает парадоксальной. Наращивание социальной мощи реализуется как раз за счет измельчания, обесценивания личности. Возмужание личности, в свою очередь, несет опасность обществу, социальной организации, ослабляет ее. Французский философ Жан Бодрийяр показал, что два столетия усиленной социализации человека обернулись очевидной неудачей. Мы становимся очевидцами и участниками феномена, который демонстрирует «истощение и вырождение социальности». Официальная история, считает французский философ, регистрирует лишь одну сторону дела — прогресс социального, оставляя в тени все то, что, будучи для нее пережитками предшествующих культур, остатками варварства, не содействует этому славному движению. Она подводит к мысли, что на сегодняшний день социальное победило полностью и окончательно, что оно принято всеми. В этом, тем не менее, источник взрывных тектонических тенденций.

Буева Л. Николай Бердяев критически относился к тем философским взглядам, в которых принижается роль личности и возвышается фактор социальности. Но это вовсе не означает, что русский мыслитель трактует личность в качестве некоего автономного фантома. Положение личности в бытии трагично. Она вынуждена искать объективации, реализовать себя в чем-то реальном, конкретном. По сути дела, для такого воплощения есть два способа — погружение личности в социальное бытие или приобщение к трансценденции. Но стремление человека войти в русло существующего социального бытия имеет грозные последствия. На путях социальности личность способна утратить свои сущностные силы и впасть в рабство перед обществом.

Егорова И. Насколько я помню, Бердяев полемизирует с основоположником французского персонализма Э. Мунье. Тот вынашивает идеал такого общества, в котором личность выступала бы не только как неоспоримая ценность, но и как воплощенная реальность. Персоналистское сообщество, по его мнению, — это союз личностей. Что может не устраивать Бердяева в этих размышлениях? Речь же идет о духовной революции в душе каждого человека. Пожалуй, диалектическая мысль Бердяева гораздо продуктивнее, чем концепция Мунье. Наиболее проблематичным кажется русскому мыслителю понимание *communaute* как личности. И в самом деле, при осмыслении феномена личности кажется спорным применение этой категории уже не к человеку, а к общностям, социальным образованиям.

Гуревич П. Русский мыслитель в данном случае опирается на собственную концепцию целостности человека. Да, человек многосоставен: в нем есть тело, душа и дух. И все эти компоненты не могут раствориться в социальности в равной степени. Дух Сократа, к примеру, не находился в согласии с античной социальной организацией, к которой философ принадлежал телесно. Личность как личность существует не потому, что есть общество. Ее можно помыслить и вне социума. Но, в свою очередь, и само общество существует не потому, что есть люди. Здесь обнаруживается философское пространство, внутри которого общество и личности могут анализироваться сами по себе, без неизбежной и обязательной причинной связи между ними.

Буева Л. Есть основания утверждать, что Мунье испытал влияние работ Бердяева. По крайней мере, арсенал понятий, позволяющих раскрыть тематику личности у Бердяева, оживает и в трудах Мунье. Русский философ раньше своего французского коллеги разработал такие понятия, как личность, дух, свобода, призвание. Положительно оценивая взгляды Мунье, Бердяев все же указал на недостаточную разработанность проблемы личности у своего единомышленника. Тот связывает личность с *communaute*, предпочитает говорить «мы», а не «я». Мунье не устраивает предельно парадоксальное мышление русского мыслителя, которое он оценивает как пессимистическое.

Егорова И. Однако, на чьей стороне оказывается после этой полемики последующее развитие философии? Разве мысль Н.А. Бердяева о том, что каждый человек может быть рабом или тираном, не получила исторического подтверждения? Мунье все же думал, что тиранами становятся люди определенного психологического склада. Но русский мыслитель показал, что даже неприметный социальный персонаж, обычная единица статистики способна в определенных ситуациях стать деспотичной. Другие мыслители прошлого столетия, в том числе Теодор Адорно, Ханна Арендт, Карл Ясперс, приводили впечатляющие иллюстрации таких социальных метаморфоз. Отстаивая идеал свободной коммуникации, Мунье указывает Бердяеву на опасность общественной изоляции, эгоцентризма. По его мнению, внутренняя эмиграция тоже чревата объективацией. Во многом это так. Как бы человек ни старался «выпасть» из общества, занять автономную, независимую позицию, он все равно окажется действительным агентом этой социальной практики.

Гуревич П. Но ведь Н.А. Бердяев в этой связи размышляет вовсе не о герметичности внутреннего мира личности. Он анализирует не только эту опасность, но и приобщение человека к трансценденции как способ коррекции социальных иллюзий.

Позже именно Мартин Хайдеггер с горечью напишет о зарастании метафизической тропы как пути к бездуховности и нищете личности. В той же мере Ясперс, отталкиваясь от идеи коммуникации как способности личности открывать в себе чувство другого, согласно Мунье, придаст этому процессу гораздо большую сложность и драматичность. Философы более поздней поры заговорят о муках коммуникации, а не о ее актуальности.

Буева Л. По мнению Бердяева, отношение с другими людьми следует понимать диалектически. Это означает, с одной стороны, невозможность растворения партнеров по коммуникации друг в друге (опасность иррационализма). С другой, они и не могут быть обречены на полную индивидуалистическую разъединенность. Таким образом, здесь выбрана середина между крайностями. Субъективность получает не только негативную определенность через отсутствие всякой объективной детерминации, но также и позитивную — через творчество. Человек призван к творческой деятельности в мире и продолжает божественное дело творения. Мир не закончен, человек в своей свободе продолжает придавать ему форму.

Егорова И. Еще раз напомним, что те угрозы, которые, согласно Бердяеву, несет в себе развитие социальности, получит подкрепление в постмодернистской философии. Конечно, ни о каком тотальном отвержении социальности нет речи у Бердяева. Бодрийяр отметил, что сегодня только сумасшедшие отказываются пользоваться такими благами цивилизации, как письменность, вакцинация или социальные гарантии. Но Бодрийяр также укажет на прогрессирующее в современном обществе сопротивление социальности, феномены эскапизма, политической индифферентности. В наши дни социальность как бесспорная привилегия личности вызывает реальные сомнения.

Гуревич П. Сегодня много говорят и пишут о том, что общество существует не потому, что есть люди. А людей соответственно нельзя рассматривать как строительный материал для социальной организации. Справедливо также утверждение, что общество, даже если оно опирается на демократические механизмы, обладает огромной принудительной мощью, которая обедняет личности, оскотливает гуманистический потенциал и в конечном итоге подрывает сам социум. Социальные мыслители прошлого считали, что сила общества прирастает мощью составляющих ее личностей. Однако реальная картина оказалась сложнее. Закон общества — усреднение, выравнивание. Личность превышает возможности социума. Поэтому гасится, нейтрализуется огромный неиспользованный потенциал. Личность «хаотизирует» общество. Общество, в свою очередь, призывает индивидов к банальному ранжиру. Оно по определению не может подстраиваться под личности. Вот почему государство зачастую мыслится именно как Левиафан. Законотворческая деятельность нашей Государственной Думы может явиться ярким примером вторжения власти во все сферы жизни людей, в том числе и те, которые не поддаются регуляризации.

Буева Л. Почему же в таком случае «идеальное государство» Платона оказалось грозной социальной иллюзией? Ведь власть в нем, по замыслу античного мыслителя, должна принадлежать философам. Чем обусловлен данный выбор? Любомудры не поддаются иллюзиям. Они не оказываются заложниками множества частных процессов. Философы ждут, когда утихнут страсти, чтобы проникнуть в суть происходящего. Мыслитель — это созерцатель, который хочет узреть истинную красоту жизни, поскольку он способен выйти из пещеры на свет. Общество будет стабильным, если каждый гражданин станет носителем определенной социальной функции. Каждый разряд граждан отвечает за определенные формы жизни.

Егорова И. Платон не на одну минуту не мог представить, что если бы философы оказались у власти, это обернулось бы интеллектуальной диктатурой. Речь, пожалуй, идет не об идеализации философов, а о принудительной общественной мысли. Платон уже и сам прекрасно понимал всю трагичность своей кровавой утопии. Это, впрочем, мысль Алексея Федоровича Лосева.

Гуревич П. Окончательное овладение тайнами общественной динамики невозможно. Марксу казалось, что он раскрыл секреты экономической жизни общества. Но он вряд ли мог предвидеть, что изменятся сами формы хозяйственной практики, социальные условия жизни. История разворачивает неожиданные аспекты коллективного бытия людей. Люди обладают свободой, они сами творят общественные условия. Этим и отличается человеческое общество от деятельности термитов. Те все-таки следуют зову инстинкта, усложняя способы приспособления к реальности. Хотя в человеческой истории действуют определенные, раскрытые учеными, закономерности, никакой фатальности эти правила не несут. Информационное общество живет по иным заветам, нежели индустриальный социум. Социальная философия — своеобразный паноптикум социальных иллюзий. Но другим способом выстраивать историю люди не располагают.

Каковы социальные иллюзии наших дней?

Буева Л. Я причислила бы к ним безоглядную веру в глобализм, представление о полезности тотальной бюрократизации жизни, трансгуманистические проекты. Движение человечества к универсальной цивилизации остановить невозможно. Однако поступь глобализации абсолютно не соотнесена с фундаментальными основами культуры и цивилизации. Глобалисты из огромного множества культурных космосов, созданных на Земле, выбрали европейский уклад жизни. И это притом, что проницательные диагносты истории, в том числе Николай Данилевский или Освальд Шпенглер, провозгласили «Закат Европы». Разве фаустовский дух западной цивилизации доказал свою безупречность и непреложность? Верно ли, что технический проект преобразования реальности является единственным и самым безопасным?

Егорова И. Глобализм катком прошелся по различным культурам, уничтожив, по сути дела, самобытные очаги общественной жизни. Сегодня многие серьезные мыслители доказывают, что в общественном процессе возможны, допустим, иные формы экономической практики, духовных глубин самобытия человека, разделения труда, трансляции накопленного социального опыта. Смысл жизни современного человека сведен к потреблению, словно восточные культуры никогда не предлагали иных экзистенциальных проектов. Не обернулась ли глобализация прежде всего огромным расточительством духовных сокровищ, накопленных человечеством?

Гуревич П. Глобализация сама по себе представляет солидный перечень социальных иллюзий. Она исходила из неукоснительной готовности народов слиться в единое цивилизационное русло, отказаться от этнической и национальной идентичности. Однако последовала незамедлительная реакция на принудительную унификацию культур и цивилизаций. Возникли сепаратистские тенденции, социальный конструктивизм проник в сферу этничности, отдельные народы заговорили о своей особости, о собственной почве и корнях. Известно, что некоторые европейские политики не считают целесообразным даже Европейский союз и предлагают странам вернуться в прежнее национальное русло. И этот кризис добавился к тем, что уже давно терзают современное общество. Углубляется экологический кризис. Экономические потрясения вызывают массовую психологическую нервозность, усталость, эсхатологические настроения, накапливают деструктивную энергию. Смыслоутрата становится выражением общественного сознания.

Буева Л. Парадокс заключается в том, что рациональность, провозглашенная в свое время судьбой европейской цивилизации, оборачивается пучинами иррационализма. Абсурд и интеллектуальная нищета оказываются приметами современного общественного бытия. Исследователи все чаще говорят о фантомах современности. Характеристикой современности оказывается масса. Слово «масса» не является понятием. Стремление придать ему какое-то содержание оборачивается нелепостью. Философы показывают, что

массив крестьян традиционного общества нельзя назвать «массой». Массы в наши дни не отражают социальное. Они функционируют скорее как гигантская черная дыра.

Егорова И. Мне кажется, рациональная коммуникация и массы не могут рассматриваться как некий взаимный процесс. Когда говорят о том, что надо озаботиться осведомленностью масс, обеспечить им полноценную социализацию, повысить их культурный уровень, — то все это можно расценить лишь как социальную демагогию. В этой пучине исчезает всякий смысл. Массы, как утверждают постмодернисты, ослеплены игрой символов, поработочены стереотипами. Производство масс — современный фантом. Его конструирует реклама, массовая культура, потребительский уклад. Нелепо толковать о том, будто массы дезориентированы. Такой тезис ошибочно предполагает, будто у массы есть духовные запросы и потребности. Масса — это огромный резервуар, занятый поглощением и уничтожением культуры и знания.

Гуревич П. Апофеоз технократизма, который был приманкой целой эпохи, оказался обыкновенной социальной иллюзией. Технократы оскостили научное и социальное знание. Они придали ему прикладной, утилитарный смысл. Проникнув во все поры общественного организма, технократизм создал иллюзии научной и эффективной отладки социальной жизни. Сложилось убеждение, будто важные решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета. Труд якобы превращается в деятельность, просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами. Работа может быть выполнена разными людьми. Но ее процесс и результат заведомо просчитаны. Труженик же превращается в эффективную часть действующего механизма. Прикладное знание, если оно существует в собственных пределах, обладает неоспоримой ценностью. Однако гордыня технократизма оказалась и убыточной. Вторжение экспертного знания во все сферы человеческого бытия, в том числе и такие, которые немислимы без спонтанности, вызвало принудительную регламентацию жизни человека. Технократы в конечном счете представили себя как «золотой фонд» нации и государства, обнаружили непомерные амбиции. Однако оказались несостоятельными в предвидении назревающих общественных разломов, осмыслении новых социальных маршрутов, своевременности продуктивных рекомендаций. Современная власть оттеснила технократов. Она пришла к выводу, что политическая целесообразность важнее теоретических экспертиз. Настало время новой эпохи — бюрократической.

Буева Л. Властители разных стран пришли к выводу, что для достижения искомых результатов нужен не столько эксперт, зачастую демонстрирующий свое знание вопреки политической воле, а прилежный исполнитель, чиновник, бюрократ. Разумеется, общественное управление немисливо без соответствующего аппарата, который проводит в жизнь принятые решения. Однако и в этой сфере обнаружил себя плоский редукционизм. Невостребованными оказались и научное знание, и общественное мнение. Прежнее представление о том, что знание — единственное средство, которое позволяет обозначить пределы возможного и обеспечить последующее планирование, оказалось отброшенным. Ни одна из реформ, которые проводились в России за последние десятилетия, не учитывала общественное мнение, массовые настроения, экспертные заключения. Не принимались в расчет ни протесты, ни обоснования ученых, ни соображения людей, вовлеченных в конкретную сферу деятельности. В этих условиях бюрократия приобрела такую власть, какой она не располагала никогда, даже в конфуцианском Китае.

Егорова И. Бюрократ в наши дни — олицетворение социально-исторического процесса рационализации. Исследователи выделяют три вида бюрократии — идеально-типический, оптимально-рациональный и формально-рациональный. Понятие «рациональность» является ключевым для М. Вебера. В работах по социологии религии немецкий ученый пытался выявить социокультурные основания и границы рациональности. По его мнению, чем больше прогрессирует интеллектуальная и прагматическая рационализация мира, тем больше религия по ряду причин оттесняется в

область иррационального. Иррациональные элементы в рационализации действительности и стали тем прибежищем, куда была оттеснена неустранимая тяга интеллектуализма к обладанию запредельными ценностями. Эта тяга становилась тем сильнее, чем больше мир казался лишенным их. Бюрократ, который действует в рамках идеально-типической модели рациональности, осознает, что предельная рационализация нереализуема. Идеальный тип — это желаемый образ, модель, которая не может воплотиться в условиях усложняющейся действительности. Однако он тем не менее служит надежным теоретическим средством в истолковании реальности.

Гуревич П. Оптимально-рациональная бюрократия ищет наиболее результативные и экономные способы решения общественных проблем. Ее идеал — наибольшая эффективность при минимальных затратах. Без машины управления современное общество не может существовать. Люди не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Однако оптимально-рациональный бюрократ далеко не всегда стремится к регламентации общественной жизни на основе какой-либо схемы. Его деятельность чаще всего основана на целесообразности теоретического знания, практического опыта решения назревших проблем. Бюрократ знает, как в истории человеческой деятельности получали практическую оснастку те или иные социальные ситуации и проблемы. Здравый смысл и прагматический расчет обеспечивают полезность бюрократической деятельности. Однако управленец никогда не располагает целостным знанием. Поэтому нет оснований абсолютизировать деятельность бюрократа. Его эффективность может обеспечиваться гибкостью, критичностью, культурой управления. Но эти особенности бюрократической активности все более вытесняются на задворки.

Буева Л. Формально-рациональный бюрократ, как правило, не вникает в содержание социальной деятельности. Он занят циркулярами, распоряжениями, предписаниями. Главное в его активности — добиться предельной функциональной обозначенности. Эта потребность в пунктуальном расписании собственной деятельности зачастую ложится бременем на живой, творческой активности. Циркуляры носят обязательный характер и порождают веру в значимость и необоримость административного ресурса. Бюрократический диктат вызывает атмосферу безысходности, произвола, давящей силы. Вместе с тем он плодит социальную иллюзию, будто с помощью послушного исполнительного аппарата можно справиться со сложностью общественного развития. Власть добывается от бюрократов оперативности и старательности. Отсюда возникает еще одно заблуждение, будто социальная динамика всецело обеспечивается силами аппарата. В то же время пробуксовка и застой, как мнится власти, полностью обусловлены нерасторопностью чиновников, их нерадивостью, корыстностью, неумением вовремя израсходовать отпущенные бюджетные средства. Так рождается крайне упрощенная картина жизни общества.

Егорова И. В этом контексте стремление общества добиться хотя бы минимальной дебюрократизации рассматривается властью как помеха, как стремление разрушить четко продуманную систему управления. Власть убеждена в том, что решение любой возникшей проблемы начинается с появления соответствующего органа, который отвечает за этот участок общественной жизни. Для более эффективного руководства наукой в стране было создано ФАНО. Но его аппарат уже сейчас насчитывает более тысячи работников. А ведь было сказано, что прежняя структура управления наукой была малоэффективной. Но неужели рост чиновничьего аппарата оправдан в условиях, когда для научных исследований не хватает средств? К сожалению, чиновники не несут ответственности за свою деятельность. В процессе объединения вузов некоторые университеты и институты практически прекратили существование, поскольку по критериям, представленным Министерством образования, они не соответствовали должным требованиям. Однако суды в ряде случаев доказали ошибочность представленных критериев. Но эти вузы уже, грубо говоря, «раздолбаны». Какой же смысл в этих случаях имеет апелляция к правосознанию?

Гуревич П. Каким может оказаться мир, в начале которого мы находимся? Этот вопрос был задан еще в прошлом столетии Карлом Ясперсом. Он отмечал, что концентрация всего человеческого бытия в стабильных организациях стремительно растет. Превращение людей в функции огромного аппарата рождает общее нивелирование. Не востребованы люди высокого, но неформального ранга, необычные, неординарные. Есть запрос только на усредненное, обладающее знаниями в специальной области. Своего рода страстная тяга к авторитету власти, который призван гарантировать порядок, скорее всего заполняет внутреннюю пустоту общественного сознания. Развитие европейского мира идет к стабильному конечному состоянию. Но то, что выступает как идеал порядка в земном мире, становится невыносимым для конкретного человека, который знает, что его бытие состоит в притязании на свободу этого бытия. Общее мнение деспотически царит с помощью фиксированных убеждений. Прокламируемое разными партиями, оно предстает перед населением как нечто само собой разумеющееся.

Буева Л. Карл Маркс в свое время раскрыл глубинную феноменологию экономических отношений. В известном смысле его анализ можно считать безупречным. Он просто не мог предвидеть, что капитал, ощутив реальную угрозу, переместится на другую орбиту — за пределы производственных отношений и политических антагонизмов. Между прочим, феномен социального, который, разумеется, не сводится к экономике, содержит в себе еще более острые противоречия и нераскрытые тайны. Здесь можно отметить, что французские постмодернисты за последние годы проделали основательную работу, которая позволила увидеть, что политическая власть все еще опирается на старые схемы социального мышления, не усматривает в социальном никаких парадоксов.

Егорова И. Людмила Пантелеевна, не могли бы вы конкретизировать эти соображения?

Буева Л. Разумеется. Все общественные связи мы называем феноменом социального. На самом деле социальное противостоит не только асоциальному. Само социальное имеет сложную структуру, в его вакууме перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления. Они кружатся и сталкиваются друг с другом. Вот, скажем, политика. Само собой понятно, что она входит в радиус социального, но является особой формой общественных уз. Картина заведомо усложнится, если мы сопоставим реальное и символическое. Волей-неволей приходится различать то, что происходит в виде конкретных событий, и то, что просто обозначается знаком, который не претендует на подлинность. Вот, скажем, Николо Макиавелли объявляет политику чистой игрой знаков, которая не обременяет себя никакой социальной или исторической «истиной». Более того, политика вообще начинает играть на таком поле, где отсутствует всякая социальная правда. После Французской революции политика и социальное предстают как нечто нераздельное, по выражению Жана Бодрийяра, как созвездия-близнецы.

Гуревич П. Это, разумеется, так. Социальные иллюзии обнаруживаются внутри этого смыслового пространства. Постепенно политика берет на себя функцию выражения социального. Иначе говоря, социальное становится содержанием политики. Но более двух веков назад существовало равновесие между сферой политического и тем, что мы называем социальным, историческим, экономическим. Закат собственной энергии политики наступает с возникновением социального и экономического. Политика оказывается всего лишь зеркалом, которое отражает феномен социального. Рост социального означает одновременно утрату самостоятельности политики. Социальное овладело политическим. Но это низведение политики до нулевой отметки проникает во все щели физического и ментального пространства. Так социальное начинает рассеиваться. У него больше нет имени.

Буева Л. Тогда-то и проступает один из парадоксов. У власти возникает иллюзия, будто апатия масс ей выгодна. Ведь пассивной массой легче управлять. Поэтому властители добивались централизации и бюрократизации властных механизмов. Но безразличие населения стало предвещать крах политики. Теперь власть подталкивает

массы к управлению, настаивает на том, чтобы они сказали свое слово. Массы должны подать свой голос. Так навязывается социальность избирательных кампаний, референдумов, профсоюзных акций, в моду входит проведение празднований, побуждающих к свободному выражению своих мнений. Призрак политики должен заговорить. Ему надлежит назвать свое имя. Но как удержать массы в должных берегах? Нужно создать иллюзию активной политической жизни. Так массам предлагают стереотипы: «Французский народ не может смириться с такой тенденцией», «Большая часть немцев протестует», «Вся Англия испытывает неопишумую радость по поводу рождения принца»...

Егорова И. Насколько я понимаю, феномен социального в этих условиях не становится прочным. Он теряет свою специфику, свою определенность. Поле социальности неуклонно сокращается. Да, выходит таков итог двух веков усиленной социализации, которая завершается ее полным провалом. Масса впитывает всю социальную энергию и перестает быть ею. Хотя население вбирает в себя все знаки, но оно уже утрачивает свое содержание. «Безмолвствование» масс переключает политическое и социальное в сферу гиперреальности. Сознательными участниками политического или исторического процесса массы не становятся ни на минуту. Политики стараются привлечь внимание масс к разного рода скандалам, к сексуальным историям экс-властителей, к криминальным хроникам, демонстрирующим мнимое возмездие правосознания. Возникает попытка продвинуть бессмыслие в порядок смысла.

Гуревич П. На протяжении многих веков все общества стремились к расширению своих пределов. Примитивным и традиционным социумам не присуща такая экспансия. В них господствует не центробежная, а центростремительная сила. Они сконцентрированы на цикле, на ритуале. Социальные философы обратили внимание на гибель древних огромных империй. Они исчезли без каких-либо более или менее заметных следов катастрофы, без ясно понимаемых нами внутренних или внешних причин. Мы сегодня также присутствуем при крахе имперского мышления. Но теперь и традиционные общества оказались во власти взрыва. Население этих социумов растет без всякого контроля. Объем произведенной продукции находится в полосе избыточности. Эти взрывные процессы европейская цивилизация стремится усилить, углубить. Обоснованием такой политики служит логика универсализации рынка, экспансия экономических и философских стратегий, непреложность универсальных социальных законов. В наши дни этот процесс достиг апогея. Одна из массовых иллюзий состоит в том, что этот процесс можно остановить или подчинить контролю.

Буева Л. В данном контексте, мне кажется, нельзя не признать, что логика социального не является прозрачной. Французские социальные мыслители задаются вопросом: что характеризует современные общества — нарастание или распад? Суть проблемы в том, что социальное возникает на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ. Экспертам в этих условиях заново отвечать на вопросы социальной философии: связей. Дело в том, что так называемые социальные науки исходили из постулата: социальность вечна. Историки описывают общества, которые обходились без социального и даже без истории. Рождается следующее предположение: социальное, судя по всему, может существовать недолго — в узком промежутке между эпохой символических формаций и возникновением современного общества, где оно уже не живет, а только угасает.

Егорова И. Я согласна с такой постановкой вопроса. Постмодернисты выдвигают несколько гипотез. Согласно первой, социальное, по сути дела, никогда не существовало. И, следовательно, не было и никакого социального «отношения». Ничто никогда не функционировало социально. В этом контексте нет причин говорить ни о «реальной», ни о скрытой, ни об идеальной социальности. В наши дни социальное исчезает бесследно, как будто его и не было. Возможен и другой ход мысли: тогда можно утверждать, что социальность все же существовала и продолжает существовать. Она пронизывает все

стороны общественной жизни, поэтому все есть только социальность. Она торжествует и обнаруживает себя повсюду. Пожалуй, можно говорить о том, что мы живем в условиях цивилизации «сверхсоциальности».

Гуревич П. Мне уже приходилось писать о том, что в современной цивилизации многие люди не хотят интегрироваться в социум. Они стараются выпасть из него. Растет число бродяг, маргиналов, асоциальных типов. В 1544 году в Париже был открыт первый приют. Там могли найти убежище бродяги, сумасшедшие, инвалиды. Они оказались неспособными инкорпорироваться в какую-либо социальную группу. Эта тенденция получила развитие. В XIX в. появились органы государственного призрения. Веком позже — система социального обеспечения. Однако из орбиты социального стали выпадать целые общности. В чем суть этой социализации? Прогресс выталкивает из своих ниш целые социальные пласты. Но в чем угроза полной социализации? Общество стремится «усыновить» всех, и тогда эти разобщенные индивиды оказываются в полосе социализированности. Прежняя символическая интеграция замещается функциональной. Везде обнаруживаются социальные инстанции. Появляются и развиваются «социальные отношения». Рождаются и так называемые социальные науки. Объявляется патологией все, что не подверглось социализации. Все стороны жизни должны быть втянуты в социальность. Но предположим, что этот процесс завершился успехом. Все, буквально все социализировано. Но тогда социальность исчезает: ее не с чем сравнить.

Буева Л. Мы уже имели возможность охарактеризовать избыточность как характеристику современного общества. Царствует расточительность. Она обретает статус социальной иллюзии. Строятся «Конкорды», планируются полеты на Луну и Марс, запускаются баллистические ракеты и спутники. Бессмысленные траты ставятся на поток. Зайдите в любой супермаркет, вы увидите невиданное изобилие. Неужели все это находит потребителей? Такое невозможно даже представить. Товаров должно быть много, несметное количество. Остальное дело рекламы. Социалисты и гуманисты все еще мечтают о перераспределении богатств, об устранении избыточных расходов. Но разве социальное может стать эффективным и коллективным управлением потребительной стоимости людей и вещей? Не зря социальное называют огромным протуберанцем оптимального управления.

Егорова И. Выходит, прогноз Маркса реализуется в полярном варианте. Маркс мечтал о поглощении экономического улучшенным социальным. Но в наши дни социальное поглощается ухудшенной политической экономией, то есть управлением. Можно еще предположить, что социальное, безусловно, существовало. Но сейчас его больше нет. Оно существовало как связанное пространство, как основание реальности. Перспективному пространству социального приходит конец. Постмодернисты даже ставят вопрос о том, что само понятие социума утрачивает смысл. Имеется в наличии множество временных связей, в которые вступают отдельные индивиды. Общество переживает период усиленной атомизации. Отныне ничто не добирается до конца своей истории. Все наличное как будто пытается избавиться от своей сущности. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которое предполагает производство, растворилась. Но производство как таковое осуществляется наилучшим образом.

Гуревич П. Тема социальных иллюзий длительное время рассматривалась в социальной философии как частная, периферийная. Общественная мысль полагала, что она занимается не фантазмами, а построением действенной социальной теории. Но это во многом можно оценить не более, чем иллюзией. Наше обсуждение показало, что анализ социальных иллюзий — неотложная задача философии и всей гуманитарной мысли.

На историческую динамику оказывают воздействие многие факторы — развитие науки, прогресс экономики, новые идеи, секреты глубинной психологии. Поэтому постижение тайн истории испытывает все новые и новые потрясения. В этой во многом стихийной эволюции общества нет места здоровой мысли — а не является ли этот мнимый прогресс дорогой в тупик? Не случайно именно так и сформулировал эту мысль Артур

Шопенгауэр: да, мы действительно куда-то продвигаемся, но каков последний шаг этого маршрута? Занятые решением текущих эпохальных задач, мы полностью погружаемся в этот поток, даже не помышляя о том, что он может вести к безвыходному положению. К чему, например, может привести безумная растрата имеющихся на Земле ресурсов? В этом смысле роль утопического сознания, сценарного подхода к событиям истории трудно переоценить.

Проницательные мыслители еще до того, как отдельные общественные тенденции свидетельствовали о нарастающей разрушительности, пагубности конкретных путей общественного развития, предупреждали человечество об этом. Представляется целесообразным оценить прогностическую мощь этих утопических проектов, указавших человечеству на опасность тотального контроля над человеческим поведением, ущемления свободы, недооценки грозных обнаружений человеческой природы, бездуховность и социальный диктат. Итак, социальная иллюзия играет в истории огромную роль. По сути дела, постижение тайн общественной жизни, закономерностей социальной динамики есть летопись различных иллюзий, с помощью которых человечество продвигалось к более глубокому пониманию хода исторических событий. Порой эти иллюзии уводили общественную мысль в сторону от реальности, создавали фантастические грезы. Николай Бердяев предупреждал, что утопии страшны именно фактом своей реализации. Он отмечал, что всякая попытка создать рай на Земле есть ад.

В то же время они содействовали пробуждению более зрелого философско-исторического сознания. Позитивная функция социальных иллюзий, пожалуй, в том, что они создают презумпцию надежды. История философской мысли позволила указать на опасные грезы, которые когда-то казались соблазнительными. Народы напуганы угрозой авторитарности и тоталитаризма, деспотии и тиранства. Они устали от революций. Однако иллюзия счастливого потребительского общества тоже стала томить людей. Все чаще социальные философы обращаются к теме, которая была обозначена Кантом как «социальная несоциальность». С внешней стороны современное общество функционирует столь же успешно, сколь и прежние социальные организации. Однако нельзя не заметить, как в толще социальности вызревают пугающие тенденции.

Нельзя не указать и на нынешнюю страсть ученых и властей к социальным фантазмам. Скажем, трансгуманизм, ставший заметным общественным движением, сообщает нам, что в Метагалактике достигла апогея конкуренция между планетами. Если земляне не расстанутся со своей биологической формой жизни, то они выпадут из универсального эволюционного процесса. Мы хотим господствовать не только на Земле, но распоряжаться также и инопланетными цивилизациями, всем космосом. Заметьте, проблема обсуждается не в жанре научной фантастики, а в русле социальной философии.

Сегодня человечество располагает огромными ресурсами, внушительной мощью. Это склоняет властителей к пагубному прожектерству, к простейшим схемам политического мышления. В наши дни очевидна опасность бюрократического сознания, убежденного в том, что общественные процессы можно направить в нужную сторону с помощью директив, финансовых потоков, политической воли, многоходовых интриг. В политической практике исчезло понимание, что в истории трудно отличить победу от поражения, достижение от утраты, патриотический подъем от скрытого нигилизма. Политики, не отягощенные знанием конкретной проблемы, толкуют о том, как российский рубль станет мировой валютой, сколь успешно мировые санкции оздоровят нашу экономику, что закрытая экономика является безоговорочным благом. Этот воспаленный эрос фантазий так же опасен, как «обезумевший принтер». Законодательные запреты поставлены на поток. Демократия работает в режиме вертикали власти. Предан забвению огромный пласт интеллектуальных усилий, призванных уловить тайные механизмы общественных процессов. Волонтаризм и прожектерство благословляют в наши дни отчаянное социальное сочинительство. Не привлекает внимания опыт имперских крушений, военных и революционных последствий, ущемление спонтанности

и свободы человека. Социальные иллюзии все чаще уведут человечество от решения насущных проблем современности.